

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Лев Шестов по моим воспоминаниям.

Введение.

Воспоминания Германа Леопольдовича Ловцкого были начаты в Цюрихе в 1956 году, закончены в январе 1957 года и переданы дочери Шестова с просьбой дополнить цитаты и даты, ввиду того, что у автора не было с собой нужных книг. В этот текст также включены выдержки из книги Венъямина Фондана, посвященной Шестову [1]. Мы публикуем часть дополненного текста и обращаемся с просьбой к читателям указать неточности, если таковые будут замечены.

Предлагаемые материалы для биографии Льва Шестова не претендуют на полноту. Духовное общение мое с покойным философом началось в 1898 году. О его жизни до того времени я знал лишь по наслышке из вторых рук и пересудов доброжелательных, а иногда и пристрастных свидетелей. Приходилось мне мириться и с умолчанием о некоторых фактах и событиях его жизни, вызванных тем, что многие лица, замешанные или игравшие значительную роль в его жизни, еще живы.

Единственно, что я могу сказать: все мною изложенное, все разговоры с ним, мысли – соответствуют действительности, переданы искренно, без всякого желания прикрасить или идеализировать духовный образ покойного философа. Венъямин Фондан написал много статей о Льве Шестове и книгу: «Sur les rives de l'Illissus», еще не изданную. Вторая часть этой книги заключает в себе письма, которые Шестов писал Фондану, воспоминания Фондана о Шестове и разговоры между ними, которые Фондан записал. Приведенные выдержки взяты из этой второй части (перевод с французского П. Г. Калинина). Выдержки из этой книги также были напечатаны в «Новом Журнале» (Март, 1956 г.).

I

Лев Шестов (Лев Исаакович Шварцман) родился 31 января (13 февраля), 1866 г. в Киеве. Его отец, Исаак Моисеевич Шварцман, богатый купец-мануфактурщик, из мелкой лавочки развил громадное дело «Товарищество Ис. Шварцман» (на Подоле) с миллионным оборотом, славившееся во всем Юго-Западном Крае по добротности английской материи и изделий лучших московских фабрикантов.

Мой отец был тоже купец. С несколькими компаньонами он основал посудное дело, раскинувшее сеть по ряду городов Юго-Западного края. В 1887 г. он перенес свое дело в Киев, на Подол, и поселился по соседству с отцом Льва Исааковича. Тут я впервые услышал о Льве Шестове и о том, что талантливый молодой человек, окончивший Московский университет, принужден часть своего времени сидеть за прилавком и продавать товары. Познакомился я с ним несколько лет спустя.

У Льва Исааковича было два младших брата и четыре сестры, так что дом на Подоле был всегда весьма оживленным. Отец его, талантливый купец, был в то же время большим знатоком еврейской древней письменности, читал свободно древнееврейские книги, ходил в синагогу, но был тем, кого евреи называют «эпикойрес» – свободомыслящим. Он охотно подшучивал над ограниченными фанатиками веры, был очень остроумен и устраивал в синагоге подчас род клуба, рассказывая веселые анекдоты. Было время, когда его хотели даже исключить из синагоги за профанацию святого места и за кощунственные выпады. Но при всем своем свободомыслии он бывало говорил: – Все-таки, когда в торжественный праздник проносят по синагоге свитки Торы, я их целую. Шестов любил выслушивать из уст отца старинные легенды и поверья. Отец взял к детям, скорее по традиционной привычке, учителя древнееврейского языка, но Шестов впоследствии этот язык совершенно забыл.

Евреи заботились о том, чтобы их дети получали больше «прав», чем они сами пользовались. Царское правительство давало особые льготы по воинской повинности, праву жительство вне черты еврейской оседлости евреям, получившим высшее образование. Лев Исаакович был отдан в Киевскую 3-ю гимназию, но, будучи замешан в политическом деле, вынужден был ее оставить и перевестись в Москву. По окончании гимназии он поступает в Московский университет, сперва на математический факультет, а затем на юридический. Но из-за недоразумений с знаменитым инспектором студентов Брызгаловым Шестов бросает Московский университет и переезжает обратно в Киев, где и заканчивает курс в 1889 г. со степенью «кандидата прав».

В университете Лев Шестов интересовался экономическими и финансовыми вопросами. В Москве он ревностно посещал лекции И. И. Янжула и А. И. Чупрова. Еще студентом написал большое исследование по рабочему вопросу в России,

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
носившее завуалированное название: «Фабричное законодательство в России».

В Киеве он написал диссертацию «О положении рабочего класса в России». Она прошла в Киевском университете. Но для того, чтобы ее напечатать, Шестов должен был послать ее в Московский цензурный комитет. Этот комитет не только не дал разрешения на напечатание рукописи, но реквизирует ее. «Если бы эта книга увидела свет, в России произошла бы революция», заявил удивленному автору суровый цензор.

Таким образом Шестов не стал доктором прав. Он был записан в Петербурге в сословие адвокатов, но никогда не выступал на адвокатском поприще и совершенно забросил юриспруденцию.

Окончив университет, Лев Шестов продолжает заниматься экономическими и финансовыми проблемами. Приблизительно в это время начинается его сотрудничество в киевской передовой печати, где он пишет, однако, преимущественно, на темы литературные и философские.

Тогда же вышли в свет первые его статьи. Большая статья о появившейся в то время большой книге Вл. Соловьева «Оправдание добра». В газете «Киевское Слово» от 22 февраля 1895 г. была помещена его статья «Георг Брандес о Гамлете», подписанная буквами Л. Ш. Она послужила в дальнейшем началом большого труда о Шекспире. Также появилась статья в киевской газете «Жизнь и Искусство» (от 9 января 1896 г.) под заглавием «Журнальное обозрение» за подписью «Читатель».

В своей статье-некрологе «Некоторые черты религиозного мировоззрения Льва Шестова» Булгаков посвятил несколько строк жизни киевской интеллигенции того периода, когда Шестов начинал свою писательскую деятельность. Он пишет: «В гостеприимном доме Шварцманов в Киеве встречались представители как местной интеллигенции (в начале 90-х годов), так и приезжие столичные литераторы и артисты, – «на музыке», в беседах. Жизнь текла еще ровно и спокойно, однако лишь до 1905 года, когда в Киеве вслед за первой революцией грянул один из первых еврейских погромов, пережитый нами во всей его трагике. В эти же годы мне с Н. А. Бердяевым приходилось выдерживать диспуты в борьбе за религиозное мировоззрение с местными представителями позитивизма и безбожия. Вместе с нами фронт держал и Шестов, хотя сам он в прениях обычно не выступал.

Из Киева наша группа перебралась на север, и прежняя связь с Шестовым продолжалась и упрочивалась в Москве. Среди новых литературных и религиозно-философских начинаний и при участии новых лиц, Шестов оставался самим собой, в обычной парадоксальности своего мировоззрения и при общей и неизменной к нему любви.

... Затем мы встретились в Париже, но наши жизненные пути разошлись и личное общение почти прекратилось. Однако, когда случайно мы встретились в тиши Булонского леса, эти встречи были неизменно дружелюбны и радостны». («Современные записки» №.68, Париж, 1939 г.). Все эти годы Шестову приходилось заниматься делами Товарищества, чем он очень тяготился. Его отец, пользуясь большим кредитом у лодзинских и московских фабрикантов, закупал сверх нужды и брал деньги в долг направо и налево. Шестов, предчувствуя неминуемую катастрофу – банкротство, настоял на строгой отчетности, на сбалансировании спроса и предложения и на ставшей знаменитой распродаже по пятницам залежавшегося и вышедшего из моды товара. Работа в деле ему была тягостна и расстроила его здоровье.

Приведя в порядок дело отца, Лев Исаакович при первой возможности передал его своим шуринам и младшим братьям и уехал за границу (1895 г.). Сначала в Рим, где он женился (в 1896 г.) на православной студентке-медичке, Анне Елеазаровне Березовской, а затем, в 1898 году переехал из Рима в Берн, где училась на философском факультете его сестра и моя будущая жена, Фаня Исааковна. И тут я познакомился с ним. Тогда я был учеником консерватории по классу Римского-Корсакова и поехал на летние каникулы в Швейцарию, якобы на отдых, а на самом деле с тайной мыслью увидеться с моей невестой. Совет «отдохнуть» в Берне дал мне Лев Шестов, и я принял его с восторгом.

Я нанял комнату, взял пианино напрокат и угощал брата и сестру гениальной листовской транскрипцией вагнеровской *Isoldens Liebestod*. Лев Исаакович оказался энтузиастом-слушателем. В поисках жизненного пути он одно время мечтал о карьере певца, обладая отличным слухом и голосом, но его

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
учительница пения испортила ему голос. Пытался писать он, по-видимому, и стихи, но из этих попыток ничего удовлетворительного для него не вышло. Сотрудничал в киевской передовой печати. Юноша, полный духовных сил и таланта, искал выхода своим незаурядным способностям и силам. Одно время он очень увлекался французскими романтиками – Альфредом Мюссе. «Цветы зла» Бодлера, стихи Верлена произвели на него неотразимое впечатление. "De la musique avant toute chose et tout le reste est littérature; rature" [первым долгом музыка, а затем литература], говаривал он часто. После нескольких неудачных литературных опытов Шестов перешел к «величайшей музыке», по выражению Платона, – к философии. И на этой почве произошло и укрепилось наше взаимное сближение с ним. Знакомство с произведениями непризнанного тогда еще немецкого гения Фридриха Ницше относится к тому времени. Шестов вместе с автором «Так говорил Заратустра» возненавидел «всех читающих бездельников». Оставив сестре Фане произведения Ницше с этой надписью, философ нас покинул для уединённых трудов на берегу Тунского озера.

Привожу рассказ Шестова фондану о том, как возникла у него мысль написать вышеуказанную статью «Георг Брандес о Гамлете» и затем книгу «Шекспир и его критик Брандес». «В это время я читал Канта, Шекспира и Библию. Я сейчас же почувствовал себя противником Канта. Шекспир же меня перевернул так, что я потерял сон. И вот однажды я прочитал в одном русском журнале несколько глав Брандеса в переводе, посвященных Шекспиру. Я пришел в бешенство. Несколько позже, находясь в Европе, я читал Ницше. Я чувствовал, что в нем мир совершенно опрокидывался. Я не могу передать впечатление, которое он произвел на меня.

Сначала я прочел «По ту сторону Добра и Зла», но я не очень-то ее понял, вероятно из-за афористической формы. . Требовалось время, чтобы я ее ухватил. Затем была «Генеалогия Морали». Я начал читать в 8 часов вечера и кончил только в 2 часа ночи. Книга меня взволновала, возмутила все во мне. Я не мог заснуть и искал аргументов, чтобы противостоять этой мысли ужасной, безжалостной... Конечно, Природа жестока, безразлична. Несомненно она убивает хладнокровно, неумолимо. Но мысль ведь не Природа. Нет никаких оснований, чтобы она намеревалась также убивать слабых, подталкивать их, дабы помочь Природе в ее страшном деле. Я был вне себя... В этот момент я совершенно не знал Ницше. Я ничего не знал о его жизни. Затем, однажды, кажется в издании Брокгауза, я прочитал заметку о его биографии. Он также был из тех, с которыми Природа расправилась жестоко, неумолимо: она нашла его слабым и толкнула его. В этот день я понял.

Все еще будучи за границей, я однажды увидел в витрине книгу Брандеса о Шекспире. Я ее покупаю, читаю и гнев снова распаляется во мне. Брандес был тогда крупной личностью. Он открыл Ницше, он поддерживал связь со Стюарт Миллем и т. д... Но это был род «под-Тэна», маленький Тэн, конечно, не лишенный некоторого таланта. Но читал он, не углубляясь, и скользил по поверхности вещей. «Мы чувствуем с Гамлетом», «мы испытываем с Шекспиром» и т. д. и т. д... Словом, Шекспир не мешал ему спать.

В моей книге «Шекспир и его критик Брандес» я еще стоял на точке зрения морали, которую оставил несколько времени спустя. Но эта точка зрения достигла уже того градуса, что можно было предвидеть, что «рамы начинают рушиться». Вы помните строки: «Пала связь времен, зачем же я связать ее рожден»[2]. Я тогда пытался восстановить эту связь, но только позже я понял, что надлежит оставить время вне связи. Пусть оно разлетится в куски. Не стоит говорить, что в этом надоумил меня Брандес, он был далек от такой проблемы

Когда после этой книги, я захотел возвратиться к Ницше и особенно к его биографии, я понял, что с моими моральными проблемами я никогда бы не смог к нему приступить. Моральная проблема не выдерживает столкновения с Ницше. Для Брандеса трагедия Шекспира была развлечением, наслаждением искусством, и против такой установки я был вынужден защититься эпиграфом из Ницше: «Я ненавижу всех читающих бездельников».

II

В 1898 году Шестов вернулся в Россию. Он привез с собой два законченных больших исследования – «Шекспир и его критик Брандес» и «Добро в учении Толстого и Ницше».

Ни один из существовавших в то время толстых журналов не хотел принять эти

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org работы, настолько мировоззрение их автора, его подход к трактовке тем были чужды тогдашним нашим литературным традициям и навыкам. Вл. Соловьев прочел обе книги в рукописях, рекомендовать их для помещения в толстые журналы отказался, но помог их отдельному изданию. По его указанию типография Стасюлевича напечатала их в кредит.

Книга «Шекспир и его критик Брандес», появившаяся в 1898 г., страстно и горячо написанная, не обратила на себя в то время внимания; впрочем о ней писали Зинаида Венгерова и Ю. Айхенвальд (в «Вопросах философии и психологии»), в этой книге Шестов выступает против позитивизма Тэна и скептицизма Брандеса во имя идеализма и возвышенной морали. Это единственная догматическая книга Шестова.

Двумя годами позднее, в 1900 году, вышла в свет вторая книга Шестова, «Добро в учении Толстого и Ницше», с подзаголовком «Философия и Проповедь». Этой книге посвятил много внимания Михайловский («Русское Богатство», 1900 г. No.2,3), нашедший ее «странной, но интересной и красиво написанной». Шестов в ней порывает с идеализмом и противопоставляет философию, якобы жестокости, несчастного Ницше, поплатившегося такой дорогой ценой за свои «добродетели», проповеди яснополянского мудреца. Заключение книги многозначительно: «Добро не есть Бог. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога». Эта мысль является руководящей нитью всего творчества Шестова.

После моей женитьбы на фане Исааковне, я нанял небольшую квартиру в Петербурге, на Торговой ул., поблизости от Мариинского театра и Большого театра, куда перешла из старого помещения Императорская СПб-ая Консерватория. Шестов у нас прожил некоторое время. Мы жили дружно, спокойно, каждый отдаваясь своему любимому делу. Лев Шестов был рад избавиться от «проклятой лавки», я сочинял музыку, жена занималась хозяйством. Мы духовно общались с рядом молодых людей, литераторов, знаменитых юристов, вроде М. Ви-навера, сотрудника «Речи», талантливого Давида Левина. Но скоро эта идиллия кончилась, моя жена заболела, квартиру ликвидировали. Я, в поисках подходящего климата для жены, поселился в Париже, где я учился в Консерватории у Габриеля Форэ.

Если раньше Лев Шестов был хорошо известен в литературных кругах лишь родного Киева, то первые две книги стяжали ему известность в столицах. Он стал членом религиозно-философских обществ и выступал в Петербурге, Москве и Киеве. Одновременно «Мир Божий» и «Мир Искусства» предложили ему сотрудничество. Он остановился на втором, и в «Мире Искусства», который издавал Дягилев, частями была напечатана третья книга его «Достоевский и Ницше» с подзаголовком «Философия трагедии». В 1903 году она вышла отдельной книгой. Говорили и писали о ней мало. Заслуживает только быть отмеченной небольшая заметка Гершензона (в журнале «Научное слово»).

Привожу рассказ Шестова фондану о том, как он начал сотрудничать в «Мире Искусства»: «Дягилев в то время, до своих оперных и балетных предприятий, издавал журнал «Мир Искусства». Он, прочитав моего Толстого, предлагал мне сотрудничать в журнале. В это время в моем портфеле уже находилась рукопись моей книги «Достоевский и Ницше» («Философия трагедии»), которую я и послал ему. Дягилев пришел в восторг. Я запросил у него 50 рублей аванса, которые он тут же мне выслал. Конечно, в то время я был богаче, чем сейчас, но все же деньги эти мнегодились. Но он меня предупредил, что вследствие печатания двух книг Мережковского [3], которые он также принял, моя появится не ранее января 1903 г., а мы переписывались в мае (1902 г.). Он кроме того просил меня, если возможно, дать отзыв о 1-ом томе Мережковского, уже появившемся. Я дал отзыв положительный, без указаний на недостатки. Надо оказать, что Мережковский читал моего «Толстого и Ницше» как раз в то время, когда он заканчивал свою первую книгу. Он был поражен моим: «Нужно искать Бога» и, делая сальто-мортале, пытался представить место Богу у себя. Это Бердяев, которому было тогда 27 лет, указал мне: «Он у тебя заимствовал Бога». Во второй книге Мережковского эта идея стала уже центральной. Он склонял слово Бог во всех падежах и временах. Он говорил о Боге, как Ницше говорил об Антихристе, громким голосом, с криками, гневом и т. д. Ницше был уже полубезумным, когда писал «Антихриста». Но и в безумном Ницше было еще что-то от Ницше. Но Мережковский не был Карузо. Это был только небольшой тенор.

Приехав в Москву, я нанес визит Дягилеву. Он принял меня весьма любезно и тут же вручил мне вторую книгу Мережковского, напечатанную в его журнале.

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org откровенно высказываю свое мнение. Он был озадачен, но все же просил дать отзыв, что я и сделал. Мережковский, прочитав его, прилетел в редакцию и устроил там истерический скандал. Отзыв был напечатан в «Мире искусства» под заглавием «Власть идей» в 1902 г. (?).

До того я встретил Мережковского на одном вечере. Он просил меня зайти к нему я пришел. «Сегодня вечером, сказал он, приемный день у Розанова. Хотите пойти со мною?». Я согласился. И вот мы у Розанова. Он меня представляет всем, но никто еще обо мне не слышал. Мережковский разгневался: «Как, вы не знаете лучшего из наших авторов, которые писали о Ницше!» и т. д. и т. д. Это было после моего первого отзыва. Но после второго он долго на меня сердился. Я высказал слишком много правды. Но ведь он сверх всего взвинтил меня своим «Богом».

Мой второй отзыв входит в русское издание моей книги «Апофеоз беспочвенности». Я исключил его во французском издании. К чему? Ведь мы же оба писатели и оба в изгнании... Возможно, что мой отзыв мог бы ему здесь повредить...»

Небезынтересно будет заметить, что эта книга первоначально была задумана как одно целое, под заглавием «Тургенев и Чехов». Но Шестов почувствовал, что книга на лад не идет и что систематическое изложение мыслей его затрудняет. Для писания «Апофеоза беспочвенности» он перешел к афористической форме изложения, более для него подходящей.

Появление этой книги вызвало ряд статей о всем творчестве Шестова. Назовем статью Базарова в «Образовании», любопытный фельетон Розанова «Новые вкусы в философии» («Новое время» No.10612) и заметку Ремизова в журнале «Вопросы жизни» (1905 г. No.7). Тогда же появилась и наиболее интересная из всех написанных до этого времени статей о Л. Шестове – статья «Трагедия и обыденность» Н. Бердяева. Статья Бердяева появилась в марте 1905 г. в журнале «Вопросы жизни». Она вошла затем в книгу Бердяева «Sub Specie Aeternitatis», издание М. В. Пирожкова, С.-Петербург, 1907, стр. 247–275.

Приводим отдельные отрывки из этой книги: «Все это введение, а теперь перехожу к Л. Шестову, о котором давно уже нужно писать. Я считаю глубокой несправедливостью игнорирование работ Шестова и объясняю это только тем, что темы Шестова и способ их разработки для большой дороги истории не нужны, это подземные ручейки, заметные и нужные лишь для немногих. Устроившийся в своем мирозерцании «позитивист» или «идеалист», скрепивший себя с универсальной жизнью, только пожимает плечами и недоумевает, зачем это Шестов поднимает ненужную тревогу. Вот эта глубокая ненужность писаний Шестова, невозможность сделать из них какое-нибудь общее употребление и делает их в моих глазах особенно ценными и значительными. Шестов очень талантливый писатель, очень оригинальный, и мы, непристроившиеся, вечно ищущие, полные тревоги, понимающие, что такое трагедия, должны посчитаться с вопросами, которые так остро поднял этот искренний и своеобразный человек. Шестова я считаю крупной величиной в нашей литературе, очень значительным симптомом двойственности современной культуры.

Только что вышла книга Шестова «Апофеоз беспочвенности», но я думаю писать вообще о Шестове и даже главным образом о его предшествующей книге «Достоевский и Ницше», которую я считаю лучшей его работой. Мне жаль, что «беспочвенность» начала писать свой «Апофеоз», тут она делается догматической, несмотря на подзаголовок «опыт адогматического мышления». Потерявшая всякую надежду беспочвенность превращается в своеобразную систему успокоения, ведь абсолютный скептицизм так же может убить тревожные искания, как и абсолютный догматизм. Беспочвенность, трагическая беспочвенность, не может иметь другого «апофеоза», кроме религиозного и тогда уже положительного. Трагический мотив ослабел в «Апофеозе» и в этом есть что-то трагически фатальное». (Стр. 250–251).

«Я вижу крупную заслугу Шестова в острой, глубокой психологической критике всякого рода позитивизма, всякого рода утверждения обыденности, хотя бы и под маской идеализма». (Стр. 263).

«Шестов должен был бы признать, что трагедия самым фактом своего существования приподнимает завесу вечности, что новый, для обыденности страшный опыт, открывает беспредельность. Условные, рациональные грани падают, и у самого Шестова уже пробиваются лучи потустороннего света. Грустно, что этот даровитый, умный, оригинальный и смелый человек не хочет

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org или не может перейти к новому творчеству. Творческие усилия ведь тоже трагичны, а не обыденны и их менее всего можно рассматривать, как успокоение. Разрушительные и творческие моменты всегда сплетаются, творческие моменты есть и у Шестова, но боюсь, чтобы он не успокоился на окончательном, не мятежном уже скепсисе. Я не предлагаю Шестову кончить «моралью» и заявить, что, «несмотря» на вышесказанное, все более или менее благополучно, о нет. Пусть он дальше подымается по «узким, трудно про-ходимым, лежащим над пропастью тропинкам», по тем горным путям, которые *nur für die Schwindelfrei* [4]. Пусть открывает новые местности, иначе он рискует топтаться на одном и том же месте. Еще раз повторю: мне жаль, что «философия трагедии» превратилась в «апофеоз беспочвенности», этого мало. И не потому жаль, что «беспочвенность» внушает страх, нет, она манила к почве бесконечно более глубокой, заложенной в самых недрах земли». (Стр. 265).

«В заключение скажу: нужно читать Шестова и считаться с ним. Шестов – предостережение для всей нашей культуры, и не так легко справиться с ним самыми возвышенными, но обыденными «идеями». Нужно принять трагический опыт, о котором он нам рассказывает, пережить его. Пройти мимо пропасти уже нельзя и до этого опасного перехода все лишается ценности. При игнорировании и замалчивании того, о чем он нам рассказывает, о чем давно уже предупреждает так называемое декаденство, при «идеалистическом» бравировании – грозит взрыв из подполья. Скажем Шестову свое «да», примем его, но пойдем дальше в горы, чтобы творить». (Стр. 275).

Володя сказал мне, что ты тоже «не понимаешь». Так вот тебе совет: прочти статью о Чехове – в ней связнее и проще передано содержание «Ап. б.». Правда, связность и упрощение обрезывает материал, но зато дает некоторую нить. Мне кажется, что после статьи о Чехове «Ап. бесп.» будет понятнее». (Киев, 14 апреля 1905 г.) Чувство непонятости у Шестова было всю жизнь, несмотря на несомненный успех.

Привожу также рассказ Шестова Фондану о том, как Шестов познакомился с Бердяевым: «Мне было 34 года, когда я познакомился с Бердяевым. Ему было тогда 26 лет. Мы вместе встречали Новый Год – 1900. В эти годы, выпивши немного, я становился задирой. Мои друзья знали эту слабость и всегда находили способ меня подпоить. В этот вечер Бердяев сидел рядом со мной. Я дразнил его невероятно, вызывая взрывы общего хохота но когда мой хмель прошел, я сообразил, что Бердяев вероятно обижен. Я извинился пред ним и предложил выпить на брудершафт. Кроме того я просил его, для доказательства, что он меня простил, зайти ко мне завтра. Он пришел. Так началась наша дружба. Никогда мы не были согласны. Мы всегда сражались, кричали, он всегда упрекал меня в шестовизации авторов, о которых я говорю. Он утверждал, что ни Достоевский, ни Толстой, ни Киркегард никогда не говорили того, что я заставляю их говорить. И каждый раз я ему отвечал, что он приписывает мне слишком большую честь и, если я действительно изобрел то, что утверждаю, то я должен раздуться от тщеславия.

Жаль, что он так сдавлен немецкой философией. Только потому, что я не изучал философии в университете, я сохранил свободу духа. Мне всегда ставят в упрек, что я цитирую тексты, которые никто не цитирует, и выкапываю заброшенные отрывки. Возможно, если бы я проходил курс философии, я цитировал бы только то, на что наука положила свою печать Вот почему все тексты я привожу в оригинале – латинском или греческом. Чтобы не сказали, что я их «шестовизирую». Привожу еще несколько выдержек из других писаний Бердяева, из которых видно, что, несмотря на расхождения, Шестова и Бердяева связывала искренняя дружба: «... В это время, перед ссылкой (т. е. перед 1900 г.) я познакомился с человеком, который остался моим другом на всю жизнь, быть может единственным другом, которого я считаю одним из самых замечательных и лучших людей, каких мне приходилось встречать в жизни. Я говорю о Льве Шестове, который также был киевлянин. В то время появились его первые книги и меня особенно заинтересовала его книга о Ницше и Достоевском. Мы всегда спорили, у нас были разные мирозерцания, но в шестовской проблематике было что-то близкое мне. Это было не только интересное умственное общение, но и общение экзистенциальное, искание смысла жизни. Общение было интенсивно и в Париже до самой его смерти». («Самопознание», стр. 133, Париж, 1949 г.).

«... Мы старые друзья с Л. Шестовым и вот уже 35 лет ведем с ним диалог о Боге, о добре и зле, о знании. Диалог этот бывал нередко жестоким, хотя и дружеским». («Лев Шестов – по случаю его семидесятилетия». «Путь» No.50, Париж:, 1935/36 г.).

«... Лев Шестов был философом, который философствовал всем своим существом, для которого философия была не академической специальностью, а делом жизни и смерти». («Основная идея философии Льва Шестова». «Путь» No.58, Париж, 1938/39 г).

«У нас в России, в период наших старых споров, дело шло о последних, предельных жизненных проблемах, о первичном, а не об отраженном, не о вторичном. Так было не только в религиозно-философских обществах, но и в спорах в частных домах, напоминавших споры западников и славянофилов 40-х годов. Белинский говорил после спора, продолжавшегося целую ночь: нельзя расходиться, мы еще не решили вопроса о Боге. Так было и у нас, когда ходились С. Булгаков, М. Гершензон, Л. Шестов, В. Иванов, А. Белый, Г. Рачинский и др. Но наша группа была не многочисленна. Большая часть интеллигенции интересовалась другими вопросами, имела другое мирозерцание». («Самопознание», стр. 171).

Одним из эпиграфов к Апофеозу беспочвенности Лев Исаакович взял предостерегающую надпись, встреченную нами во время одной из горных прогулок в Швейцарии «nur fur Schwindelfreie» (только для не боящихся головокружения). Мы жили в это время около Берна в «шале» по дороге в Кинталь и много ходили вдвоем, или с дамами в горы – в глетчеры, в сопровождении специального проводника, а то и двух, из которых один был носильщиком. Но особенно мы с Шестовым любили делать вдвоем переходы-перевалы из одной долины в другую и уже без гида, руководствуясь картами, приложенными к Бедекеру. И тут я играл роль проводника. Ходили мы молча, каждый предавался своим мыслям, Лев Шестов философским, я – музыкально-драматическим. И вот, в задумчивости, мы уперлись однажды в узкую тропинку с этой грозно предупреждающей надписью. Возвращаться не хотелось, головокружения мы не боялись и пошли по узкому краю отвесной скалы высотой в несколько сот метров. С другой стороны была такая же отвесная стена. Ни души. Лишь парят в поднебесьи орлы и коршуны. Вдруг мы очутились перед узким горным проходом, высеченным в скале. На дне протекала вода, и мы, чтобы не замочить туфель, должны были, упираясь ногами в противоположные стенки, медленно продвигаться вперед в надежде, что акведук нас куда-нибудь да выведет. И, действительно, через некоторое время перед нами открылось широкое горное пастбище, покрытое благоухающими ве-сенними цветами. Я утверждал, что надо идти влево, Шестов – вправо. Начал моросить дождь и спускаться густой туман. Я все же настоял на своем, и в конце концов мы добрались до населенного пункта. Лев Исаакович поздравил меня с проявленной твердостью, а сам обогатился размышлениями на тему об окраинах жизни, где надо, не боясь потерять голову, глядеть в лицо опасности и даже смерти.

«Апофеоз беспочвенности» произвел впечатление разорвавшейся бомбы среди самых разнообразных читателей. Легкомысленные молодые люди грозили своим родителям: «Буду развратничать и читать Шестова». Известный защитник в процессе Бейлиса, О. Грузенберг, говорил, что у автора опыта адогматической философии «кислотный ум». Далее друзья упрекали Льва Исааковича: «Мы этого от вас не ожидали». Один из очень видных русских писателей сказал Шестову: «Я бы понял вас, если бы ваши книги появились хронологически в обратном порядке – сперва Апофеоз беспочвенности, потом Достоевский и Ницше, а за ними Шекспир и его критик Брандес»; да и до сих пор почти все критики и писатели так думают [5].

Возмущению не было конца в московском обществе после выступления Шестова (в 1905 или 1906 году) на каком-то вечере в Литературно-Художественном кружке, когда он прочел свои парадоксальные афоризмы из Апофеоза беспочвенности.

«Бунт Шестова против разума и морали был и непонятен, и неприятен для его поколения, до такой степени оно было «в плену у научности». Шестов ближе нам, людям призывного возраста первой мировой войны. У нас в гимназии был кружок, где был настоящий культ этого писателя». (Эрге, «Неправда разума», «Новый журнал», кн. 54, Окт. 1958, Нью-Йорк)

Произошло еще другое недоразумение: блестящая форма, в которую облекались афоризмы «Апофеоза», в соединении с классической простотой и обманчивой ясностью изложения, глубокие анализы переживаний таких корифеев русской литературы, как Толстой, Достоевский, Чехов, Сологуб, дали повод причислить

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org

Льва Шестова к блестящим литературным критикам, а философию его, как утверждали, надо отбросить, так как он обряжает, будто бы, всех писателей на свой шестовский лад. На Шестова эти нападки не действовали, он продолжал идти своим путем «странствования по душам». Уже тогда у него было чувство, что к его проблематике – самое для него важное – прислушиваться не хотят, чувство, которое у него росло с годами.

Журнал «Вопросы жизни», в котором была напечатана статья Бердяева и из которой были выше приведены выдержки, был основан в январе 1905 г. в Петербурге. В нем Шестов тоже принимал участие. Сотрудниками были люди, пришедшие из разных миров и потом разошедшиеся по разным мирам. Кроме редакторов С Булгакова и Бердяева в журнале участвовали: Д. Мережковский, В Розанов, Л. Шестов, А Карташев, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, А. Ремизов, Г. Чулков, М. Гершензон, С. Франк, П. Струве, кн. Е. Трубецкой, П. Новгородцев, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, Волжский, В. Эрн; из политиков – радикалы-освобожденцы и некоторые более свободомыслящие социал-демократы. Издателем был Лосский, а секретарем Ремизов. Журнал просуществовал недолго, около года. В течение этого времени он был местом встречи интеллигенции самых различных направлений.

В этом журнале (1905 г., No.3) появилась большая статья Шестова о Чехове, под заглавием «Творчество из ничего». Бунин в своей книге о Чехове, вышедшей уже после его смерти, дает выдержки из статьи Шестова и отзывается о ней так: «Одна из самых лучших статей о Чехове принадлежит Шестову, который называет его беспощадным та-лантом». (И. А. Бунин, «О Чехове». Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955 г.).

На цитировавшуюся выше статью Бердяева «Трагедия и обыденность», в которой Бердяев говорит, что Шестов, отвергая всякие догмы, создает сам «адогматический догматизм», Шестов ответил статьей «Похвала глупости», полной блестящей иронии и появившейся в сборнике «Факелы», кн. II, 1907 г.

В «Полярной звезде» (от 27 января 1906 г.) была напечатана статья Шестова о Достоевском «Пророческий дар» (к 25-летию смерти Ф. М. Достоевского) и, наконец, в «Русской мысли» (No.4, 1907 г.) – статья об Ибсене «Предпоследние слова».

Указанные эти четыре статьи составляют сборник статей Л. Шестова, озаглавленный «Начала и концы» и вышедший в 1908 году.

В вышедшей в том же 1908 г. книге «О смысле жизни» Иванов-Разумник посвятил главу Шестову. Он пишет: «Характерная черта творчества Шестова – сконцентрированность мысли, умение в немногом выразить многое и в то же время найти адекватную форму для выражения своей мысли. Это делает Л. Шестова одним из наших самых блестящих стилистов; имея это в виду мы и назвали творчество Шестова философско-художественным. При чтении книг Л. Шестова чувство эстетической удовлетворенности почти всегда сопровождает работу мысли, а это можно сказать не о многих современных писателях.

Но, конечно, не на эту внешнюю форму творчества Л. Шестова мы обратили внимание; для нас Л. Шестов интересен как писатель, мучительно ищущий ответа на вопрос о смысле жизни, на вопрос о смысле зла в мире, на вопрос о цели нашего жизненного пути; для нас Л. Шестов интересен как философ в широком смысле этого слова. К нему в этом смысле всецело применимо то, что сам он говорит о Толстом в одной из своих книг: «... вся творческая деятельность его была вызвана потребностью понять жизнь, т. е. той именно потребностью, которая вызвала к существованию философию». Издательство «Шиповник» выпустило полное собрание сочинений Льва Шестова, заключавшее второе издание первых пяти томов и том шестой «Великие кануны» (1912 г.). Это издание быстро разошлось и теперь стало библиографической редкостью.

К политике Шестов относился равнодушно. Во время лихорадки, охватившей русское общество после революции 1905 года, он, бывало, говорил своему рыжему сеттеру: – «Я тебя запишу в партию мирного обновления!» и пес ему отвечал и бил утвердительно хвостом. Но не стоит думать, что его отношение ко всем партиям и политическим течениям было окрашено цинизмом, – он просто был равнодушен к партийным ссорам. Он, например, участвовал охотно в самых разнообразных органах печати, начиная с крайне-левых и кончая умеренно либеральными, за исключением черносотенных, конечно. Когда его упрекали в том, что он мог печататься у левых эсеров и участвовать в «Русской мысли», в «Мире искусства», он отвечал: «Я не боюсь быть окрашенным в ту или иную

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org политическую окраску. Пусть они боятся быть мною окрашенными». К Гегелю и Марксу он относился отрицательно уже с ранней молодости.

Как было уже сказано, Шестов в 1898 году вернулся из заграницы в Россию для издания двух первых своих книг. Затем он жил попеременно за границей (в Швейцарии и в Германии) и в России (в Киеве и Петербурге).

У него были две дочери – старшая, Татьяна, родилась в Риме в 1897 году, а вторая, Наталья, в Берне в 1900 году. Его жена окончила в Берне медицинский факультет и сдала государственные экзамены в Москве в 1905 году. В 1908 и 1909 году Шестов с семьей жил в немецком университетском городе Фрейбурге (Freiburg in Bresgau), а с 1910 по 1914 мы прожили вместе четыре года в Коппэ, на берегу Женевского озера, где мы снимали виллу (villa Les Saules).

Так годы продолжалась плодотворная работа в Швейцарии. В 1914 году Шестов почувствовал, что надо окунуться в подлинную русскую жизнь, возобновить духовное общение даже с идейными противниками. Он поехал в Россию и поселился с семьей в Москве, где и прожил тревожные годы войны.

В Москве он вновь погрузился в работу. Он выступал в религиозно-философском обществе имени В. Соловьева, встречался с философами и литераторами, бывал у Шпета, Челпанова, Булгакова, Гершензона, Вячеслава Иванова, Бердяева. В октябре 1916 г. в Русской мысли появилась статья «Вячеслав Великолепный», в которой Шестов полемизировал с «магометанской гносеологией» Вячеслава Иванова. 9 ноября Шестов прочел доклад на ту же тему в религиозно-философском обществе. Затем появились в «Русской мысли» статьи «Власть ключей» и «Memento Mori». В последней была им дана убийственная критика философии рационалиста Гуссерля, о которой речь будет дальше.

Анна Елеазаровна, жена Шестова, работала в больнице, а дочери, Таня и Наташа, учились в гимназии Хвостовой. Летом 1916 года Шестов провел у своего друга С. В. Лурье, в имении, в Тульской губернии. Деревенская жизнь ему так понравилась, что он стал мечтать о покупке вместе с нами небольшого имения на Оке, чтобы проводить там лето. Анна Елеазаровна мечтала стать земским врачом, чтобы лечить крестьян. Тогда мы все предполагали, что война скоро кончится и что можно будет вернуться к старой жизни.

Киевское семейное дело, «Товарищество Шварцман», шло хорошо и материально обеспечивало Шестовых. В этом деле Шестов играл роль «почетного опекуна», не всегда легкую, тяготившую его и мешающую работать.

Во время войны у Шестова случилось большое горе. В 1915 г. был убит его внебрачный сын, Сергей Листопадов, красивый одаренный юноша.

Осенью в 1918 году Шестов с семьей переехал в Киев, спасаясь от большевиков. В январе 1919 года он закончил там книгу «Власть ключей», в которую вошла статья, появившаяся под тем же заглавием в Москве, и другие уже указанные работы. Пришедшие к власти большевики хотели издать эту книгу при условии, чтобы Шестов дал к ней предисловие хоть в полстранички в защиту марксистской доктрины. Но Лев Исаакович на это не пошел. Дело расстроилось, и книга не была напечатана в России.

В Киеве Шестов читал курс древней философии при Народном университете. Симферопольский университет избрал его «doctor honoris causa».

Осенью 1919 года Шестов с семьей покинули родной город. После трудного путешествия, с остановками в Ростове, Ялте и в Севастополе, им удалось выехать за границу на французском пароходе «Dougal Trouain», благодаря визам, которые им послали родные, жившие в Париже.

III

Прибыв за границу, в январе 1920 года, Шестовы поехали прямо к нам в Женеву, где мы прожили тревожные годы войны. В нашей маленькой квартире на Avenue de Varens ждала его удобная комната со всеми нужными ему пособиями. В ней начал Шестов готовить к печати свои работы. Библиотеку, которую Лев Исаакович обставил до 1914 года в Германии и Швейцарии, и которую ему не удалось увезти с собою в Москву, я сохранил и передал ему, когда он вернулся из России.

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
Уезжая в Москву в 1914 году, Шестов оставил мне в Швейцарии рукопись своего произведения «Sola Fide», написанного в Коппэ между 1911 и 1914 г. Когда он теперь приехал, я ее вернул. Несколько глав этой рукописи, посвященные последним произведениям Толстого, Шестов просмотрел у нас в Женеве и опубликовал впоследствии в Париже под заглавием «На страшном суде» (она вошла в книгу «Откровения смерти»). Остальные главы он оставил в рукописи, вероятно потому, что многие из высказанных в них мыслей вошли в книгу «Власть ключей», которую он привез из России и напечатал в издательстве «Скифы» в Берлине в 1923 году (7 том полного собрания сочинений). Вторая часть этой рукописи, посвященная религиозному опыту Лютера, Пелагия, Бл. Августина, была напечатана недавно, много лет после смерти Шестова, в Париже на французском языке («Les Presses Universitaires», Paris, 1957) и ждет своего русского издания.

Прожив некоторое время у нас, Шестов переехал во Францию и основался в Париже (в 1920 году). Жена его, врач, занималась медицинским массажем и с 1923 года стала ежегодно выезжать для летней практики на французский курорт Шатель Гюйон. Он тоже ездил туда на летний отдых и очень полюбил этот уголок центральной Франции.

Когда Шестов приехал во Францию, никто о нем еще не слышал и ни одна его книга еще не была переведена на французский язык. Его подпись появилась впервые в 1921 г. во французском журнале «Nouvelle Revue Française», в номере, посвященном Достоевскому, к столетию его рождения. Там же была напечатана работа Шестова «Преодоление самоочевидностей». Оригинальность и глубина высказываемых им парадоксов произвели большое впечатление. В начале 1923 года вышла по-французски книга «Откровения смерти» в издательстве «Plon», в коллекции «Иностранные писатели», которой руководил Шарль дю Бос. В эту книгу вошли две вышеуказанные работы о Достоевском и о Толстом. По-русски эта небольшая книга появилась по частям в журнале «Современные записки».

В этом же году, несколько месяцев спустя, появился по-русски в «Современных записках», а по-французски у Грассэ в коллекции «Les Cahiers Verts» его блестящий этюд «Гефсиманская ночь», написанный в Париже по случаю трехсотлетия со дня рождения Паскаля. По поводу этого этюда Тибодэ писал в «Nouvelle Revue Française» (1 декабря 1923 г.) о «новом великом европейском критике», а философ Ю. де Готье в «Mercure de France» о «замечательном мыслителе».

М. Гершензон, бывший в то время в Германии, и встретившись с Шестовым в Берлине, простодушно сказал ему «Тебе везет на цитаты». Нет, это было не везение. Шестов умел читать в сердцах людей не только «страницы злобы и порока».

Привожу рассказ Шестова Фондану о том, как он начал сотрудничать во французском журнале «Ревю философическ», директором которого был тогда Леви-Брюль. «Знаете ли вы, как я начал писать для Леви-Брюля? Когда приехал во Францию, русских принимали очень хорошо (коммунисты не были в моде), нас чествовали и т. д. Я был на приеме у Буайе, меня представляли различным людям и также Леви-Брюль. И он тотчас сказал:

– Я читал ваши две книги во французском переводе [6], нельзя лучше выразить то, что вы хотели сказать, так, как вы это сделали.

И немного погодя:

– Но не думайте, что вы меня убедили. И затем:

– К чему это может послужить?

Я указал моей правой рукой на небо.

Я думал, что после этого он не захочет иметь меня сотрудником. Между тем позднее, когда Жюль-де-Готье пошел к Леви-Брюлю, я попросил его поговорить обо мне с ним. На следующий же день Леви-Брюль просил меня зайти к нему. Когда я ему рассказал содержание моей статьи о Гуссерле, он несколько ужаснулся; но он тотчас успокоился, когда я ему сказал, что эта статья была напечатана в 1916 г. в журнале «Русская мысль», который зависел от Московского университета [7].

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org

После этого Леви-Брюль постоянно печатал в «Ревю философик» большие статьи Шестова. – Однажды он сказал г-же Беспаловой: «Я совершенно не согласен с Шестовым, но это талантливый человек и он имеет право высказывать свои мысли». Это было прекрасно с его стороны. Этот образ мысли начинает исчезать на этом свете». Уже много лет позже Шестов написал статью о большом труде Леви-Брюля и по этому поводу написал Фондану следующее письмо (1.9.1935): «Пока я приготавливаю здесь небольшой отчет о книге Леви-Брюля: «Примитивная мифология» (по-русски для журнала Бердяева) [8]. Эта книга чрезвычайно интересная, и я вам советую сделать отчет и позаботиться, чтобы его поместили в журнале «Les Cahiers du Sud». Вы и журнал не раскаетесь в этом. Было бы жаль, если бы кто-нибудь другой написал. Напишите тотчас же». Летом 1923 года, после появления первых книг Шестова на французском языке, его, по предложению Шарля Дюбоса, пригласили на философскую декаду в Понтины (Abbaye de Pontigny), где собирались ежегодно, в поместье известного гуманиста Поля Дежардана, философы и писатели со всей Европы для обмена мыслями. Шестов сперва был заинтересован этой встречей, но после того, как побывал там второй раз, в 1924 году, больше туда не ездил, найдя, что атмосфера этих собраний была неблагоприятна для высказывания его мыслей.

Признания значительности мыслей Шестова посыпались с двадцатых годов. Немецкое общество «Ницше-Гезельшафт» избрало его в почетный президиум вместе с Томасом Манном, Генрихом Гельффердингом (?), Генрихом Вольфагеном и Гуго фон Гофмансталем и издало в 1926 году в роскошном издании его книгу «Власть ключей». «Кант-Гезельшафт» пригласило его на ряд чтений в Берлине, Галле, Фрейбурге, где в числе его слушателей были Гуссерль и Гейдетер.

Его часто приглашали в Германию, в Голландию и другие страны. Он побывал в Праге, в Кракове. В Амстердаме он познакомился с Гуссерлем. Там же он прочел свою замечательную работу о Спинозе «Сыны и пасынки времени», вошедшую затем в 8 том его произведений «На весах Иова», изданный в Париже в 1929 году. Затем эта книга была переведена на английский язык (Дент, Лондон, 1932 г.) и на немецкий язык (Ламберт-Шнейдер, Берлин, 1929 г.). В эту книгу также вошел этюд о Плотине, Афоризмы и вышеупомянутые работы – «Откровение смерти» и «Гефсиманская ночь».

В статье о философии Спинозы он приводит знаменитое место из пророка Исаяи (6, 8-10):

«И слышал я голос Господа, говорящего: кого пошлю и кто пойдет для нас. Тогда я сказал: вот я, пошли меня. И он сказал: пойди и скажи этому народу: услышать услышите, но не поймете, и увидеть увидите, но не уразумеете. Сделай бесчувственным сердце этого народа, оглуши его уши и закрой глаза его, чтобы он не увидел глазами своими, и не услышал ушами своими, и не уразумел сердцем своим, и не обратился, и не исцелел» [9].

Он воздерживается от толкования этих пророческих слов, но становится невольной жертвой неточности перевода (древне-еврейский текст Библии был недоступен Шестову). Дело идет не об обращении остатка израильтян, а об исцелении и возвращении к Всевышнему прозревших людей. Чутье Шестова, его воздержанность от комментария, по-видимому, ему подсказали, что здесь что-то неладно в люте-ровском переводе. Проф. М. Бубер настоял при напечатании этой статьи в немецком журнале «Kreatur» на том, чтобы Шестов совсем выпустил эти слова из своей статьи. Он, по-видимому, боялся (и основательно боялся), что они дадут повод к двусмысленным и нежелательным толкованиям мысли Шестова. Но в данном случае и русский философ и проф. Бубер стали жертвой неточного перевода. Это показывает, как был прав Шестов, воздерживаясь от комментария к пророческим словам Исаяи. Шестов, по самому существу своей философии, не мог стремиться к обращению в ту или другую догму, он, который всю жизнь неустанно нам говорил о высшей свободе, достигаемой вознесением над всеми догмами.

О знакомстве и дружбе Шестова с Гуссерлем мы знаем из воспоминаний самого Шестова, вошедших в статью Шестова «Памяти великого философа – Эдмунда Гуссерля», написанной в сентябре 1938 г., после смерти Гуссерля. Передаю часть этих воспоминаний, дополненных выдержками из работы Фондана, о которой мы уже упоминали. «С сочинениями Гуссерля я познакомился уже давно (1908 г.). Тогда были только его «Logische Untersuchungen». Впечатление от этой книги было потрясающее, в философской литературе начала двадцатого

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
века мало кто мог сравниться с Гуссерлем по мощи, смелости, глубине и значительности мысли. Личное же знакомство наше состоялось много позже, после появления во Франции моей статьи «Memento Mori» (Revue Philosophique, Janv. 1926), посвященной Гуссерлю. Я был приглашен в Амстердам для чтения доклада в философском обществе (19.4.28). Когда я туда приехал, мне сказали, что следующий за моим докладом будет доклад Гуссерля и что Гуссерль, узнав, что я буду в Амстердаме, просил меня подождать до его приезда, чтоб встретиться со мной. Нечего и говорить, что я радостно согласился отсрочить свой отъезд на несколько дней. Меня уже тогда приятно поразило желание Гуссерля встретиться со своим решительным идейным противником: это, ведь, так редко, почти никогда не бывает.

Первая встреча наша состоялась в философском обществе – в вечер перед докладом. Философских разговоров тогда, конечно, не было: Гуссерль был занят докладом своим, который длился больше двух часов и который, кстати сказать, он прочел с необычайной легкостью, стоя, и с таким искусством, с такой силой, точно ему было не 70 лет, а 40. Тогда же он попросил того члена общества, у которого он с женой остановился (таков обычай в Амстердаме – докладчики живут не в гостиницах, а у членов философского общества), пригласить меня к себе к обеду на следующий день. За обедом, конечно, о философии не разговаривали. Но сейчас после обеда, как только мы перешли из столовой в кабинет хозяина, Гуссерль начал говорить на философские темы. Гуссерль весь был во власти одолевавших его философских заданий. Наиболее интересные и значительные признания услышал я от него уже в этом первом нашем разговоре:

«Вы были неправы, – начал он, набросившись на меня с резкостью и страстностью. – Вы как бы не заметили, что принудило меня так радикально поставить вопрос о существовании нашего знания и пересмотреть господствующие ныне теории познания, которые прежде удовлетворяли меня самого не меньше, чем других философов. Чем больше углублялся я в основные проблемы логики, тем больше чувствовал я, что наука, наше знание шатаются, колеблются. И, наконец, к моему неописуемому ужасу, я убедился, что если современная философия есть последнее слово, которое дано сказать людям о существовании знания, то знания у нас нет. Был момент, когда, выступая на кафедре с изложением тех идей, которые я усвоил себе от наших современников, я почувствовал, что мне нечего сказать, что я выхожу к слушателям с пустыми руками и пустой душой. Мне казалось, что если усилиями нашего разума не будут преодолены возникшие во мне сомнения, то в один прекрасный день все наше познание рухнет. Мне пришлось наново постепенно открыть философию. Вы не представляете, какой ценой я заплатил, чтобы вновь найти самоочевидные истины».

В таких приблизительно словах, но с еще большей силой и страстностью, с тем исключительным подъемом, который чувствовался во всех его замечательных писаниях и речах, говорил он мне об источниках его столь смелой и оригинальной философии, беспощадно разметававшей основные идеи лучших представителей современной мысли. И говорил он об этом с такой искренностью, с таким увлечением, с таким вдохновением, что, думаю, даже для не причастного к философии, если бы он послушал его, сразу обнаружилось бы, что поднятые Гуссерлем вопросы были не теоретическими, то или иное решение которых для нас безразлично, а потому и равно приемлемо, а вопросами, как он сам выразился, жизни и смерти. В Гуссерле, точно у Шекспировского Гамлета, пробудилось страшное, роковое «быть или не быть» или, лучше еще, его посетило гамлетовское (точнее, шекспировское) откровение: время вышло из своей колеи. Впечатление от того, что он говорил, было поистине потрясающее. Я никогда не забуду моей первой личной встречи с Гуссерлем, как никогда из памяти моей не изгладится впечатление, произведенное на меня чтением его сочинений на двадцать лет раньше: встреча с великими представителями человеческого духа оставляет в нашей душе неизгладимые следы.

Это я ему откровенно и сказал: «Вы правы, конечно: со всей энергией, которую я мог в себе найти, я обрушился на ваши идеи. Но именно потому и единственно потому, что я почувствовал огромную, ни с чем несравнимую мощь вашего мышления, равно как и то, что вы мне сейчас рассказали о внутренних истоках ваших столь оригинальных и столь смелых идей.

Резкость моих нападок не только не ослабляет, но, наоборот, подчеркивает огромное значение того, что вы сделали для философии. Чтобы бороться с вами, нужно напрячь все душевные силы, – а всякое напряжение предполагает

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
страсть и связанную со страстью резкость. Предо мной стала страшная дилемма: либо принять все, что вы говорите, и не только то, что вы уже высказали, но и все выводы, к которым обязывает философия, либо восстать против вас. И вот я вам заявляю: если в ином мире меня обвинят в том, что, начав борьбу с самоочевидностями, я предал философию, – я укажу на вас, и вы будете гореть, а не я. Вы так долго и с такой силой и неумолимостью гнали и преследовали меня своими самоочевидностями, что у меня не оставалось другого выхода: либо во всем вам покориться, либо решиться на отчаянный шаг – восстать уже даже не против вас, а против того, что считалось и считается до сих пор вечно неоспоримым основанием всякой философии, всякого мышления, восстать против самоочевидностей».

Во Франции, до появления моих статей, почти не знали Гуссерля. После их появления, «Сосьете франсез де философи» и «Инститю д'Этюд Жерманик» пригласили его прочитать лекции в Париже, весной 1929 г. Он прочел две лекции 23-го и 25-го февраля в амфитеатре Декарт, в Сорбонне. Когда он пришел по моему приглашению ко мне, он сейчас же после обеда (которого он как бы не заметил, который для него как бы не существовал) ушел со мной в отдельную комнату и сразу же приступил к философскому собеседованию. Это было в ту пору, когда я работал над первой частью своей книги «Афины и Иерусалим», которая называется «Скованный Парменид». Естественно, что я постарался направить беседу нашу на те темы, которые трактовались в этой части моей книги. И вот, когда я сказал ему, повторяя почти дословно то, что потом было написано в «Скованном Пармениде» – «В 399 году отравили Сократа. После Сократа остался его ученик Платон, и Платон, «принуждаемый самой истиной» (выражение Аристотеля), не мог не говорить, не мог не думать, что Сократа отравили. Но во всех его писаниях слышится и слышался только один вопрос: точно ли в мире есть такая сила, такая власть, которой дано окончательно и навсегда принудить нас согласиться с тем, что Сократа отравили? Для Аристотеля такой вопрос, как явно бессмысленный, совершенно не существовал».

Когда я это ему сказал, я ждал, что его взорвет от негодования. Но получилось иное: он весь обратился в слух, точно где-то, в глубине его души, он уже давно прозревал, что аристотелевское «принуждаемое самой истиной» таило в себе какую-то ложь и предательство. Я был тем более поражен, что перед тем у нас разгорелся горячий спор по вопросу – что такое философия? Я сказал, что философия есть великая и последняя борьба – он мне резко ответил: Nein, Philosophie ist Besinnung [нет, философия – это размышление]. Но теперь характер беседы принял иное направление. Он словно почувствовал, что аристотелевская уверенность покоится на песке».

[(Окончание) "Грани", No.46]

В 1929 (?) году Шестов ездил во Франкфурт читать доклад.

Там все говорили о Киргегарде, и ему пришлось признаться, что он его не читал, и что тот был совершенно неизвестен в России. Потом Шестов встретил Гейдегера в Фрейбурге, у Гуссерля; они разговорились и Гейдегер цитировал Шестову некоторые тексты из своих книг, которые Шестова поразили, так как были не совместимы с системой Гейдегера.

«Я тогда не знал, – рассказывает Шестов, – что эти мысли были ему навеяны Киргегардом. Когда Гейдегер ушел, Гуссерль с загадочной настойчивостью стал не просить, а требовать от меня, чтоб я познакомился с произведениями датского мыслителя. Как случилось, что человек, всю жизнь свою положивший на проставление разума, мог толкать меня к Киргегарду, слагавшему гимны Абсурду?

Тогда же Гуссерль меня представил приехавшим к нему американским профессорам философии и сказал: «мой коллега такой-то; никто никогда еще так резко не нападал на меня, как он – отсюда наша дружба».

Датского философа русский мыслитель совершенно не знал, но, ознакомившись основательно по своему обыкновению с его произведениями, увидел, что он, Шестов, был экзистенциалистом до знакомства с философией Киргегарда и с его Абсурдом.

Духу Шестова были близки книги Киргегарда «Furcht und Zittern»,

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org «Entweder-Oder», «Begriff der Angst» и его борьба против «спекулянтов» гегельянцев. Для Шестова, как и для Киргегарда, Истинный Мыслитель – частный мыслитель Иов, истинный праведник – Авраам, готовый по повелению Господа принести единственного сына в жертву. Чистая вера вменяется нашему праотцу в праведность. Противоположное понятие греху есть понятие свободы, и это – одно из величайших озарений датского философа. Понять и объяснить это логическим путем нельзя: во все эти «нелепости», с точки нашего самоуверенного рассудка, можно только поверить в силу Абсурда.

Правда, сам Киргегард не мог сделать движения веры и потерял свою невесту Регину Ольсен, но он первый, в силу Абсурда, восстал против обычного понятия греха.

Книга Шестова «Киргегард и экзистенциальная философия» была издана по-французски в 1936 году комитетом в честь семидесятилетнего юбилея ее автора. Сам философ не любил шумихи, чествований и юбилеев, и на этот раз согласился присутствовать на чествовании лишь для того, чтобы не обидеть отказом вошедших в комитет виднейших представителей французской и русской эмигрантской философской мысли. На чествовании произносили речи Милюков, Лазарев, Леви-Брюль. Эта любезность со стороны Леви-Брюля директора «Revue Philosophique» была столь же неожиданной и необъяснимой, как и то что он печатал в своем журнале длинные этюды Шестова. В своей речи он поставил вопрос «Философ Шестов или нет?» и ответил утвердительно; но своеобразный, конечно, сказал он, который так трактует свои модели, что их больше не узнаешь.

Шестов в течение многих лет читал лекции в «Institut des Etudes Slaves» (Славянский Институт при Парижском Университете). Лекции его имели большой успех, в особенности, когда он от экзистенциальной философии Киргегарда перешел, применяясь к тайным желаниям своей аудитории, к ряду чтений, посвященных философии Владимира Соловьева «Умозрение и Апокалипсис» – так назывались эти лекции, напечатанные впоследствии, как и большинство его работ, в «Современных Записках» (№.33, 1927 г. и №.34, 1928 г.) и вошли в книгу «Владимир Соловьев и другие статьи». Эта книга (том XI полного собрания сочинений), составленная из статей, рассеянных по журналам, и посвященная таким мыслителям-современникам, как Гуссерль, Ясперс, Владимир Соловьев, Бердяев, ждет еще своего издания.

Шестов был членом Религиозно-философской Академии, которая была основана Бердяевым в 1922 г в Берлине, при помощи американской YMCA и переведена в Париж в 1925 году. При ней было создано религиозно-философское издательство «YMCA-PRESS» под руководством Бердяева. Несколько книг Шестова были изданы этим издательством, и часть его статей появилась в журнале «Путь», выпускаемом тем же издательством. К тому же Лев Исаакович был членом Русской Академической Группы и читал лекции в народном университете.

В апреле 1936 года исполнилась давнишняя мечта Шестова – мы посетили страну наших праотцев, где был похоронен его и мой дедушка на Оливковой Горе. Шестов побывал в Гефсиманском Саду и прочел ряд лекций в Иерусалиме, Тель-Авиве и в Хайфе. В последний город мы попали уже в разгар арабских беспорядков и возвращались обратно поездом под охраной английских солдат. Лекции имели такой успех, что с культурным отделом «Гистадрут» (организация рабочих) было условлено, что Шестов приедет в следующем 1937 году снова. Но поездка не состоялась.

С 1920 до 1930 года Шестов с семьей жил в Париже. В 1930 году, после замужества дочерей, он переехал с женой в Булонь-сюр-Сен. Жили оба скромно, чтобы дать возможность Шестову заниматься своим любимым делом. В этом тихом предместьи Парижа он занимал скромную квартиру, где собирались виднейшие представители французской и русской эмигрантской литературы и философской мысли. Его неотразимо привлекательная личность, искренность, высшая правдивость мысли притягивали к Шестову многих, но все-таки он говорил с ними на разных языках и поэтому чувствовал себя страшно одиноким. Дружья могли переходить из одного догматизма в другой. Им был чужд философ, признававшийся в том, что мы окружены тайной и что единственная надежда прорвать волшебный круг состоит в трагическом опыте, в преодолении самоочевидностей.

В одной из своих статей, о которой шла речь раньше, Булгаков дает облик Шестова: «Шестова нельзя было не любить, даже совсем не разделяя его мировоззрения, и не уважать в нем отважного искателя истины. Л. И. обладал

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org личной очаровательностью неотразимой. Нельзя было не радоваться ему при встрече, как это я наблюдал на разных лицах, по мировоззрению ничего общего с ним не имевших. Это объясняется, вероятно, удивительным даром сердца, его чарующей добротой и благоволением. Оно составляло основной тон его отношения к людям, при отсутствии личного соревнования (что редко встречается в нашем литературном мире), но это соединялось с твердым стоянием за свои духовные достижения.

Странно было думать, что под этим покровом скрывался дух, беспрестанно борющийся за веру... как показывает выписка из письма, которое он прислал мне летом 1938 г.: «Нужны величайшие усилия духа, чтобы освободиться от кошмара безбожия и неверия, овладевшего человечеством». Как мы уже говорили, Шестов был очень дружен с Бердяевым, которого он знал с 1900 года; они ни в чем не были согласны, и философские споры доходили до крайних пределов. Бердяев и остальные любили, ценили Шестова как неотразимо привлекательного человека, но не хотели прислушиваться к тем мучительным вопросам, которые он задавал. Были, конечно, и исключения: – друг и «антипод» Эдмунд Гуссерль, о котором уже была речь, верный ученик и последователь В. Фондан, который записал свои беседы с Шестовым (он погиб в немецком лагере в 1945 г.), Адольф Маркович Лазарев, который, в начале знакомства у киевского проф. Челпанова с философией Шестова, окрестил ее – «Да это сверхпсихология» – и впоследствии стал усердным толкователем шестовской беспочвенности.

С Бергсоном у Шестова личного общения не было, и он никогда не искал с ним встречи и только вскользь упоминает о нем в некоторых своих сочинениях. Их мысли шли по совершенно равным путям. Часто Лев Исаакович говорил о нем со своими друзьями. Лазарев и я писали исследования о Бергсоне, и он с интересом следил за нашими работами. Привожу несколько отрывков из разговоров Шестова с Фонданом, касающихся Бергсона, записанных, вероятно, в 1935 и 1936 гг. «Бергсон мог бы быть после своей первой книги непосредственные данные сознания 1) (написанной в 1888 г.) прекрасным философом. Когда я читал эту книгу в Швейцарии, около 1910 г., это чтение доставило мне большое удовольствие. Но затем он написал Творческую эволюцию 2). После этого было видно, что совершенно не нужно было ему писать Два источника морали и религии 3).

... Не приходится говорить, что книга Бергсона Два источника – книга слабая. Надо поставить вопрос – почему. Почему Бергсон, хороший писатель, хороший философ, взявшись писать о религии и морали, написал слабую книгу. Он всегда стремится сойти за иррационалиста, а вот когда он говорит о Боге, он говорит резонно.

... В течение двадцати лет ждали книгу Бергсона о морали и религии... Она появилась, и тут все заметили, что Бергсон ложный ученый, что ему нечего сказать. Банальна не только его мысль, но даже и его эрудиция... Так, он боится признать настоящими мистиками еврейских пророков, апостолов, людей некультурных и философски необразованных... Если он и цитирует мистиков, то это уже мейстер Эккегард, христианские святые, философы и т. д., с которыми можно по крайней мере разговаривать. Как жаль, что невозможно уничтожить, если не оба Завета, то хотя бы Ветхий!... Гитлер желал бы того же.

...Человеческий разум создан, по-видимому, природой единственно в целях действия 4). Но вдруг этот разум взлетел над тем, для чего он был создан, и начал, за свой страх и риск, раздумывать. И добрался таким образом до создания богов. Значит боги, по Бергсону, были созданы, сфабрикованы в Коллеж-де-Франс, вроде тех богов, которых Библия именует идолами. Но если люди не желают богов, сфабрикованных в Коллеж-де-Франс? Бергсон преклоняется перед этими богами и одновременно сохраняет все другие ценности, он даже свидетельствует о своем большом почтении Библии» Но в итоге, для чего сохранять богов, свидетельствовать о почтении, если в наших «свободных» глазах они оказываются безобразными и никуда негодными.

Вот уже два года я читаю только Киргегарда, Лютера, Платона и т. д. Читаю Бергсона, после этих гигантов, я снова оказываюсь на земле. Зачем же Бергсон написал это?...Мы (Фондан и Шестов. – Г. Л.) говорим об обращении Бергсона в католичество. Два профессора раввинистичеюкой школы, в их числе Левинас, уверили Шестова, что Бергсон обратился. Я изумляюсь, что об этом ничего не сообщалось в печати.

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
(Шестов): – «Вероятно он просил их не сообщать до его смерти. Он стар, он ждет смерти».

- 1) "Essais sur les Donnees Immediates de la Conscience".
- 2) "L'Evolution Creatrice".
- 3) "Les Deux Sources de la Morale et de la Religion".
- 4) Речь идет о мысли Бергсона: "Originellement nous ne pensons que pour agir", высказанной в его первой книге «Непосредственные данные сознания».

Привожу рассказ Фондана о том, как он познакомился с Шестовым: «В первый раз я встретил Шестова весной 1924 г. в философском салоне Жюль де Готье. За два года до этого я напечатал на румынском языке шесть статей об его последней работе «Откровения смерти». Я не имел никакого понятия, жив ли он или уже умер в веке предшествующем или в нашем. И вот передо мною высокий старик, сухой, тощий. Трудно передать чувства, которые я тогда испытал.

Был общий разговор, и, мне кажется, Шестов был удивлен горячностью и задором, который я вносил в беседу. Только в 1926 г. между нами установился некоторый серьезный контакт. Он подарил мне экземпляр появившейся тогда его книги на французском языке «Достоевский и Ницше» (Философия трагедии). Благодаря его, я писал, что тяжело идти по его стопам, т. к., по собственному же его утверждению, для этого надо пережить внутренний разгром... И я прибавлял: какой же человек осмелится пожелать самому себе подобный разгром из любви к истине? Кто же согласится стать его учеником? Спустя несколько дней я получил приглашение от дочери Шестова, Татьяны. Было довольно много народу. Шестов взял меня на абордаж.

– Я привык, – сказал он, – что мне пишут о моем таланте, о моем проникновенном понимании Достоевского, о моем стиле... И вот, вероятно, в первый раз кто-то заинтересовался самим вопросом.

Он показал мое письмо всем и обратил его в событие. Тогда мысль записывать наши разговоры еще не родилась во мне. Я был далек от нее, – я страшился дневников. И забвение легло на большинство наших встреч, которые становились все более частыми.

Только в 1934 г. меня охватило глубокое волнующее чувство, что мысли Шестова никто никогда не понял, что труды его читаются мало или совсем не читаются, что он жил и живет в абсолютном и терзающем одиночестве, что я один допущен слышать и понимать его и, если я не буду записывать наши беседы, никто этого не сделает. С тех пор я и начал, приходя домой, записывать мысли наиболее примечательные из тех, которые он бросал в разговоре.

У меня сохранилось около 120 писем от него, за период 1929–1938 гг. Должен сказать, что в общем письма эти не представляют особого интереса... Шестов не любил писать и чаще всего кончал письма словами: приходите повидаться и поговорим об этом...»

Уже во время нацизма австрийская фирма Шмидт-Денглер в Граце, близкая к кругу известного поэта Стефана Георга, обратилась с просьбой о предоставлении ей права издать книгу произведений Шестова, еще нигде не изданных. Шестов им предложил свой монументальный труд Афины и Иерусалим (том X полного собрания сочинений), где он в ряде блестящих работ концентрировал все свои заветные мысли и мучительные вопросы, на которые он пытался дать ответы. Книга появилась в превосходном издании в 1938 году, и в том же году – по-французски в Париже, за несколько месяцев до смерти Шестова. По-русски она вышла много позже (УМСА-Press, Париж:, 1951 год); отдельные части все были напечатаны, по мере написания, в парижских русских и французских журналах. В эту книгу входит мастерской этюд В фаларийском Быке, посвященный исканиям последней истины Киргегарда и виднейших представителей философской мысли всех времен.

В 1936 году Шестов занялся индусской философией и сильно ею

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org заинтересовался, но ничего о ней не опубликовал. В его бумагах нашли заметки на эту тему.

Но силы уже покидали Льва Исааковича. Старческий туберкулез лишил его голоса, а весной 1938 года у него произошло неожиданное кровоизлияние в кишечнике, со вздутием вен на руках. Это была первая весть об угрожающей гибели.

Осенью, после нескольких дней пребывания в клинике, он тихо, безболезненно угас 20 ноября 1938 года.

IV

Дальше привожу рассказ Фондана о последних месяцах жизни Шестова. 5.1.1938 «Я нашел Шестова в кровати после двух недель тяжелой болезни (кровоизлияние в кишечнике со вздутием вен на руках).

Я ему сообщил, что его большое желание исполнилось. По его инициативе я спросил у Леви-Брюля, не согласится ли он напечатать мою статью [10] о Шестове в журнале «Revue Philosophique», относительно книги Афины и Иерусалим, которая теперь печатается. Леви-Брюль согласился. Я пошел к нему. Он мне дал 40 страниц для статьи, что намного превысило мои надежды. Шестов был очень доволен и заметил несколько раз, какое важное значение имеет это событие для него и для меня: принятие меня в число философов главным философским журналом Франции. И он настаивает:

– Надо будет писать сжато, чисто философскую статью; это будет трудно; знаете ли вы – надо взять красноречие и свернуть ему шею.

Я пробую его поддразнить:

– Все-таки совсем немного литературы. .

– Нет, ничего подобного. . Вы уже обдумали план вашей статьи? Если да, то расскажите. Я рассказываю.

– Это прекрасно, вы правы. Я сам наметил на бумаге наиболее важные стороны, и я хотел бы, чтобы вы на них настаивали. И сначала заглавие: «Источники метафизической истины».

Я возражаю:

– Нет, право, это слишком претенциозно для меня и слишком смело. Но если вам этого хочется, я предлагаю назвать статью: «Шестов и источники...» – это ограничит сюжет и план. Шестов соглашается.

– Затем я хотел бы, чтобы вы поставили два эпиграфа к вашей статье. Я предлагаю из предисловия к моему Киргегарду: «Вопли Иова не суть только вопли». И из Спинозы: «Не смеяться, не плакать, не ненавидеть, а понимать».

26.2.1938. «Шестов прочел мою статью в третий раз. На этот раз он ею удовлетворен. Он постоянно просил меня подчеркивать, углублять вопросы, которых я касался: момент борьбы, отравленный Сократ и т. д. Он попросил меня зачеркнуть маленькую фразу, которую я написал: «честный Ясперс! Смелый Ясперс!» и т. д.

– Это не хорошо. Если у вас есть противник, вы должны уважать его, не считать его ничтожеством; его надо уважать. И потом... мысль, против которой вы боретесь, это тоже моя и ваша мысль. Не надо думать, что вы ее превзошли... Она еще в нас.

Потом мы меняем предмет разговора. Шестов говорит мне о философии индусов, которую он изучает в последние месяцы:

– Я погружен в нее всё время. Замечательно! Европейцы толкуют ее так же, как Библию: откладывают в сторону всё, что нас стесняет и сохраняют остальное. Однако, если в экзотерической части их мысль соответствует греческой, то в эзотерической – не так. Они прозревали трудности, у них огромное напряжение, громадная воля к свободе. В Риг-Веда и в Упанишадах чувствуется иная мысль, о которой никто не говорит, даже ваш Нюенон, хотя он упорно настаивает, что европейцы не могут ничего понять. Даже в

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
Санкхара... Да, они не всегда останавливаются перед невозможностью. Они стремятся идти дальше. Увы, мне не верится, что я смогу написать об этом. Не хватает физических сил. Но это меня сильно интересует. Я погружен в это. Но я устал, устал, так много надо прочесть.

Затем разговор переходит на то, как я начал. Я написал несколько статей о Шестове раньше нашего знакомства, когда я был в Румынии, шестнадцать лет тому назад. Мой философский багаж был весьма невелик. И, однако, я ухватил суть вопроса. Я возмущался его борьбой с очевидностями, но я все же понял, что эта борьба составляет центр его мысли. Уже в 1929 г. я назвал доклад, который я прочитал о нем в Буэнос-Айресе, «Шестов и борьба с очевидностями».

– Вы разъяснили мне историю философии, то сокровенное напряжение, бессилие против смертельной скуки, которое она до того вызывала во мне. Шестов и не думает оспаривать этой скуки. Он рассказывает анекдот об одном русском профессоре, который говаривал, что испытывает удовольствие при чтении Канта.

– Я всегда сомневался, – говорит Шестов, – что он его читал. Да, можно интересоваться Кантом, можно у него учиться, все можно, но только не находить удовольствие».

март, 1938. (Шестов): «– Моя книга, в Австрии, готова, переведена, оттиски прокорректированы, полностью оплачен переводчик, и я – наполовину. А теперь молчание. Мне хотелось бы, чтобы эта книга («Афины и Иерусалим») появилась, ибо в ней я правильно поставил вопрос. Но по существу, какое имело значение, даже если бы книга вовсе не появилась, даже по-французски... Главное, что вопрос поставлен: все, что мы видим, – очевидность или кошмар?»

Вот почему я так настаивал, чтобы в ваших этюдах вы придерживались существа. Я знаю, вашей первой целью является желание разъяснить, облегчить читателю понимание. Но если я настаивал, чтобы вы отбросили некоторые аксессуары, некоторые разъяснения, то потому, что я забочусь не только о читателе. Самое главное – не читатель. А чтобы вопрос был поставлен правильно, для вас самих и для меня. В этом все дело.

Я погружен в индусскую мысль. Читаю мало, потому что устал. Но я все время перечитываю, дабы сравнить св. Жана де ля Круа, мастера Эккегарда, Фому Кемпийского. По существу, и там и здесь одно и то же. До стремления Жана де ля Круа опорожнить дух от образов и видений... Конечно, имеются расхождения, но второстепенные. Вот, Санкхара и Рамануйя спорят о Пракрите, и второй упрекает первого в материальных связях и заменяет их духовными, но все-таки – связями. В основе, это спор между греками и Лейбницем: греки утверждали, что источник зла в материи, что воля богов была ограничена материей, которая ставила им предел. Лейбниц же говорит, что зло включено в вечные истины, которые вторгнулись в сознание Бога, помимо Его воли... И там и здесь Бог ограничен: там материальными связями, здесь – духовными. Но не все ли равно, какой характер имеет принуждение – материальный или духовный, ведь принуждение налицо. Всякое принуждение материально... Совсем иной является мысль Иерусалима. Вспомните Апокалипсис. непобедимый зверь, и все язвы, и все хулы... Но приходит пророк, и утираются слезы. Этой мысли нет ни у греков, ни у индусов. Она только в Библии.

Что я делаю вот уже сорок лет? Вам ответят – ничего. Но в течение этих лет не было ни одного события, ни одной мысли у меня, которая не являлась бы выражением непрестанной борьбы и вопроса: то, что мы принимаем за истину, почерпнуто ли нами у источников истины? Об этом я спрашивал долгие годы. И вот пришла ко мне идея о первородном грехе. Тяжело думать об этом. . сосредоточиваться. . потому-то и приходится все время возвращаться к этому... для себя самого... Не думайте, что преодолели трудность. Вы тоже думаете, как все. Но надо хотя бы поставить вопрос: вероятно, очевидность есть только кошмар. Платон думал об этом. Почему, сказав, что философия есть приготовление к смерти, он не развил своей мысли, а начал организовывать жизнь, республику?»

18 мая 1938 г. «Несмотря на вступление Гитлера в Австрию, его книга Афины и Иерусалим появилась».

– Ее послали во все библиотеки мира, повсюду... Если ее конфискуют в Австрии, главное спасено... Смотрите, в Германии Гитлера еще возможно появление такой

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
книги.

10.7.1938. «Шестов уезжает в Шатель-Гийон в субботу. Я еду из Варена, где я поселился на лето, в Булонь, чтобы его увидеть до моего отъезда. Он готовит чай. Мы говорим о политических событиях. Последнее время мы почти исключительно говорим о политических событиях, рожденных европейской трагедией. Последние две ночи он почти не спал. Он очень устал. Татьяна провожала его почти до Шатель-Гийон.

Перед моим уходом он целует меня в обе щеки, как он делает при всех наших встречах. Я не решаюсь, как мне этого бы хотелось, крепко его обнять, боясь, что он почувствует мое беспокойство и предчувствия».

конец июля 1938 г. «Номер «Revue Philosophique» (июль-август) вышел с моей статьей «Лев Шестов и борьба с очевидностями». Я посылаю один экземпляр Шестову в Шатель-Гийон.

Я пишу Шестову, он мне отвечает:

31 июля 1938 г. Шатель-Гийон. «Напротив, милый друг, ваша статья только выиграла от вашего решения сдерживать (как вы говорите) вашу склонность к литературе. Я пользуюсь этим случаем, чтобы повторить еще раз мое литературное завещание: «возьми красноречие и сверни ему шею». Может быть, широкая публика предпочла бы сохранить красноречие. Но разве широкая публика – беагрешный судья? Ваша статья очень удалась, и это не только мое впечатление. Того же мнения моя сестра и Ловцкий».

Моя жена тоже прочла вашу статью, и она ею довольна. Она говорит, что у вас необыкновенный дар излагать ясно самые трудные мысли, и это доказывает, что вы их усваиваете. Я был очень удивлен, услышав от нее, что в вашей статье нет литературы, и это показывает, что философия вас интересует не как развлечение, а так, как она необходима вашей душе. Очень тонкое замечание».

23.9.1938 г. «Я намерен покинуть Варен, где я провел лето и еще жду конца Судетского конфликта, чтобы поехать в Париж и увидеть Шестова, который вернулся из Шатель-Гийона. Я нашел его таким же слабым и похудевшим, каким он был до отъезда. Мы целуемся и продолжаем наши беседы.

«– Христиане говорят об Иисусе, как о Будде. Конечно, они говорят, что Он более велик, в сто раз более велик, Его мысль глубже, более человечна... Но что касается того, чтобы нам дать хлеб насущный, тут Он может сделать не больше Будды. Посмотрите тексты Гейлера в книге, которая к тому же называется «Молитва» (Das Gebet), и которая замечательна сама по себе».

– Моей жене, – говорит Шестов, – очень понравилась ваша статья. Она утверждает, что вы обладаете искусством такого ясного и совершенного изложения, что моя мысль более понятна читателю у вас, чем в моих книгах».

Я пользуюсь направлением нашего разговора, чтобы сказать Шестову, что он ответственен за мои достоинства и недостатки в философии. Если я сделался «философом», то это помимо меня и единственно потому, что он этого хотел. Только ради того, чтобы доставить ему удовольствие и из любви к нему, я стал изучать Гуссерля и Гейдегера; я написал мои первые статьи, потому что он думал, что эти упражнения мне будут полезны; я же сам считал себя поэтом, критиком; я писал мои философские статьи, чтобы угодить ему, потому что чувствовал, что он будет более счастлив, приобретя ученика-философа, а не поэта. Так что, если я стал «философом», то благодаря ему, это не было моей заслугой. Он был очень тронут. Но знал он все это и раньше, до того, как я ему сказал».

24.10.1938 г. «Шестов все погружен в изучение мышления индуссов.

– В последнее время я писал мою статью о Гуссерле[11], но увидел, что, если я буду писать более получаса в день, мой конец придет раньше, чем я ее закончу. Итак мне оставался весь день: я читал индусов. По тому, в каком состоянии я писал о Гуссерле, я вижу, что не смогу никогда написать о Индусах; кто-нибудь другой напишет, может быть, вы. Да и не так важно, чтобы это было написано, важны сами вопросы... Самое замечательное, например, явление – Будда. Индусы не оставили нам достоверных имен авторов «Веданты». Напротив, можно сказать почти наверное, что Будда был не мифическим лицом, он действительно существовал. Вы знаете, что ставился вопрос, можно ли его

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
назвать основателем религии, и можно ли назвать «религией» религию без Бога
и психологию без души.

Но немецкие теологи утверждают, что это действительно религия. Они говорят, что не Бог – главная основа религии, а «божественное» (das Heilige). Недавно я вам цитировал текст Гейлера, который говорит, что человечество никогда не порождало больших гениев, чем Будда и Иисус Христос. Конечно, Иисус Христос больше, даже много больше, но все же «гений». Папа теперь борется с немцами; русские и итальянцы угрожают существованию христианства. На опыте это подтверждается: преследования, пытки, концентрационные лагеря... Но такое понимание христианства еще более угрожающе..

Про Будду говорили и он говорил это сам, что он победил смерть. Но как поступает смерть? Она начинается с того, что отнимает у нас здоровье, порождает отвращение к окружающему, приучает к безразличию и т. д. А что делает Будда? То же самое. Он вселяет в нас смерть раньше, чем она пришла к нам. Он работает в пользу смерти. Посмотрите! Он был так гениален, что мог убедить людей, что он победил смерть, между тем как он только служил ей.

Сам Платон написал, что философия есть упражнение в смерти, и, вместо того, чтобы заняться этой проблемой, он ее покидает и занимается законами, республикой и т. д. Но как он думает об этом теперь?»

3.11.1938 г. «Я посылаю ему один экземпляр моей книги: «Ложное рассуждение об эстетике» [12], с простым посвящением: «Льву Шестову, которому я обязан всем...»

5.11.1938 г. «Первое письмо, которое я получаю о моей книге – от Льва Шестова. Он мне отвечает с обратной почтой:

«Мой милый друг, ваше «Ложное рассуждение» мной получено и я спешу поблагодарить вас и поздравить: это удача – издать книгу. Только я сожалею, что я должен отложить чтение. Я себя чувствую очень плохо, очень слабым и истощенным, остаюсь почти целый день в постели; это – цена моей статьи о Гуссерле. Но я принимаю меры; может быть, через несколько времени, я почувствую себя лучше и я смогу, по крайней мере, читать».

В последующие дни я не ходил его навещать, чтобы не утомлять. В понедельник, – 14 ноября, – его перевезли в клинику Буало. Я часто справляюсь о его здоровье у Тани и Наташи. Мне отвечают, что еще нельзя его видеть, но что ему лучше, и что он был очень рад, когда узнал, что я справлялся о его здоровье».

20 ноября 1938 г. «В воскресенье, 20 ноября, я позвонил Татьяне и узнал, что он рано утром скончался от старческого туберкулеза.

После полудня мы все собрались в клинике. Он лежит на постели мирный, успокоившийся, лицо тихое, красивое. Его супруга рассказывает, что вчера вечером он чувствовал себя еще достаточно хорошо. Сегодня утром, до того, как она пришла, сиделка явилась ставить термометр. Он повернулся. И скончался. Сердце. «Он так вас любил», и она рыдает. А потом показывает на маленький столик у кровати: лежит открытая Библия (по-русски) и «Система Веданты» (Брама-Сутра и т. д.) в переводе Деусена. Книга открыта на главе: «Брама как радость». Шестов подчеркнул следующие строки:

«Не мрачная аскеза знаменует Мудреца Браммы, но радостное, полное надежды сознание единства с Богом».

Последний раз я беседовал с ним 24 октября. Письмо от 5 ноября ко мне было последним, которое он написал.

Я не отметил вчера этот покой, эту лучистость его лица. Я вступил в комнату с каким-то предубеждением, отталкиванием, которое я могу хорошо объяснить, – то был страх запечатлеть в себе мертвый лик человека, которого я любил. Я зарыдал, увидев его окоченевшим, и через мгновение устыдился своего рыдания. Плача, я кричал в глубине души, но то был лишь безмолвный диалог души с самой собой: – Где ты теперь? Теперь ты знаешь?»

22.11.1938 г. «Похороны состоялись на новом кладбище Булонь-Биянкур, в юго-восточной части, в мавзолее, где покоятся уже его мать и брат. Только русские газеты дали сообщение; из представителей французской литературы

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org присутствовал только Жюль-де-Готье. Около сотни людей».

Привожу еще выдержки из некролога Лазарева: «Этим летом (т. е. летом 1938 г.) Шестов рассказал мне – к слову пришлось, – что, когда в начале года случилось с ним острое заболевание, то, как ни силились скрыть тревогу близкие и врачи, он уловил по их лицам, что положение его серьезно и возможен худший исход. «Но, продолжал Шестов, мне не было страшно, мне было легко, очень легко. Вот, думал я, скоро спадут оковы». Посетил я его недели за три-четыре до его кончины и ушел тогда от него с впечатлениями, которые заронили в моей душе тревожную мысль, но я гнал ее от себя и только теперь отдаю себе отчет во всем значении этих впечатлений. Обычно Шестов бодро, подолгу и с одушевлением говорил о занимавших его проблемах. А в этот раз он был какой-то притихший. Он сидел в углу дивана, запрокинув немного голову на спинку, как будто усталый, с устремленным вверх задумчивым взором, минутами как будто отсутствующий, и в полусвете лампы под абажуром похudevшее лицо его светилось какой-то прозрачной бледностью. Я только теперь понимаю, что он тогда каким-то краем своей души уже чувствовал, что он скоро уйдет отсюда и в сосредоточенности приготавливался к смерти.

А три недели спустя я стоял перед его открытым гробом и смотрел в лицо умершего учителя и друга, и больше, чем учителя и друга. Глаза его были закрыты. Уста замкнулись. И хотя он не был поэтом, в мое сознание неотступно толкалось:

Умолкли звуки дивных песен,

И на устах его печать!

Но знаю, будут жить его мысли. Неужели же самого творца и источника их уже нету, ушел из бытия! Нельзя принять этого. Это было бы предельно, до чудовищности бессмысленно, а не может быть, чтобы бессмыслие было в основе всего. Нет, он не ушел из жизни, а только от нас, отсюда, ушел туда, где спали оковы, где не нужно уже бороться против самоочевидностей и принудительных истин, ибо там истина не принуждает, а, сотворенная Богом, как все в мире, и поэтому всегда благодатная, подчиняется, служит Богу и человеку». (А. Лазарев – «Памяти Льва Шестова»)

v

Шестов умер с верой, что где-то, за пределами нашей разумной практической мысли, будет услышана молитва-мольба псалмопевца, и раскроются глаза у ослепленных, и они возвратятся к Богу. Прислушиваясь внимательно к таинственным голосам, которые к нам доносятся из «Вечной книги», он ставил «жгучий глагол» пророков выше многотомных философских трудов.

Миф о грехопадении занимает центральное место в его философии, и он неоднократно к нему возвращался. Мы не стали боги, но потеряли дерево жизни и теперь доотжны отдаться всецело божественному произволу и вернуться к Богу Авраама, Исаака и Иакова: «Я Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова. Бог не есть Бог мертвых но живых» (Исх. 3, 6; 3, 15; 4,5).

Он часто цитировал и вспоминал знаменитый парадокс Тертулиана; «Сын Божий был распят: не стыдно, потому что стыдно. Умер Сын Божий: еще более вероятно, потому что бессмысленно; и погребенный воскрес: достоверно, потому что невозможно».

Покойный философ никогда не мог примириться со знаменитыми словами Прометея у Эсхилла: (Непреодолимая власть необходимости. – Eschyle – "Promete Enchaîne, vers 105).

Он никогда не изменял тому, что он называл вместе с Платином «самым значительным» и, как он, стремился к «вознесению над научным знанием» (Plotin, Enneades).

Он часто вспоминал таинственное изречение Эврипида – «кто знает, может быть жить, это значит умереть, а умереть – жить» – и знаменитые слова Паскаля: "Jesus sera en agonie jusqu'a la fin du monde, il ne faut pas dormir pendant ce temps-la" (Pascal – "Le mystere de Jesus"). Шестов не мог согласиться со словами Ницше «Pereat mundus, fiam» («да погибнет мир, но да буду я»); в книге «Достоевский и Ницше» он пишет, что это «почти буквальный перевод знаменитой фразы бедного героя из подполья: свету ли провалиться

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org
иль мне чаю не пить. Я скажу, что свету провалиться, чтобы мне чай пить»
(«Достоевский и Ницше», стр. 135).

В своих странствованиях по душам великих мыслителей прошлого и настоящего Шестов посвятил исключительное внимание переживаниям двух колоссов русской литературы – Л. Н. Толстому и Ф. М. Достоевскому. В начале своей философской деятельности он связал их опыт с трагическими переживаниями вошедшего тогда в славу немецкого философа Фр. Ницше (II и III тома произведений Шестова). Затем, в 1908 году Шестов посвятил Л. Н. Толстому, к 80-летию юбилею, замечательную статью в журнале «Русская мысль» – «Созидающий и разрушающий миры» (статья вошла в книгу «Великие кануны») («Шиповник», Петербург, 1912 г.) и почувствовал потребность лично повидаться с великим старцем. Он получил приглашение приехать в Ясную Поляну и вел длинные разговоры с яснополянским отшельником. На бумаге он, к сожалению, не закрепил подробностей своих бесед, но в разговорах со мною и своим любимым учеником, Веньямином Фонданом, он в кратких чертах передал картину этик собеседований. Он говорил, что Л. Н. Толстой был уже «весь в прошлом», – грандиозный, мифический мудрец. Лев Исаакович попытался изложить ему учение Ницше и показать истинную картину мучительных переживаний немецкого мыслителя: за проповедью жестокости, за прославлением «сверхчеловека», за требованием героических подвигов в стиле Цезаря Борджия скрывался мучительный личный трагический опыт философа, которому в рот вползла змея и он не может ей откусить голову с ее ядовитым жалом. Самое страшное мы узнали потом, окольным путем, из книги его друга, проф. Овербека: Ницше, прославленный автор проповеди жестокости, в личной жизни не мог, что называется, мухи обидеть и расплатился за свои добродетели. Лев Николаевич Толстой, выслушав в передаче Шестова все это, сказал: – «Да ведь это в высшей степени нравственно», – как будто мимо его ушей прошло, что здесь как раз ставится проблема о происхождении добра и зла. Для Ницше самое страшное было то, что люди убили Бога, конечно, иносказательно. Он восстал против Begriff des Denker и отверг в своей переоценке всех ценностей подмену Творца категориями добра и зла. Но Толстой не мог и не хотел услышать этих попыток вернуться к дереву жизни, к сорадости, уйти от бессильного сострадания. Когда солнце жизни стало заходить, и Ницше почувствовал приближение страшной катастрофы, он искал облегчения в мертвой идее вечного возвращения.

Но обо всем этом трагическом опыте было бесполезно разговаривать с яснополянским отшельником. В своих воспоминаниях о Толстом Горький рассказывает, что Толстой сказал про Шестова: «Шестов – еврей... как же еврей может отойти от Бога?» Шестов предполагал, что Толстой плохо его понял потому, что прочел только первые главы его книги «Толстой и Ницше», а конца книги, где сказано «... нужно искать Бога», не читал.

Бегство в Астапово подтвердило предвидения Льва Шестова, что русский мудрец сбросит все вычитанные у других мудрецов истины, чтоб с легкой душой предстать пред Всевышним. В своей книге «Откровения смерти» Шестов описывает этот мучительный трагический опыт, на который Толстой себя сам осудил своей проповедью непротivления злу. «Хозяин и работник» дает яркую картину того, как на краю пропасти даже кулак Брехунов бросает как ненужное всё то, чем живут люди в обыденной жизни – лавку, славу, суетные думы о наследниках и вообще все идеи, провозглашенные другими Брехуновыми, чтобы предстать с легкой душой вместе с замерзающим Никитой.

В 1935 году Шестов вновь возвращается к Толстому в своей статье Ясная Поляна и Астапово, написанной к двадцатилетию со дня смерти Толстого («Современные записки» No.61, 1936 г.).

VI

Критическая литература о Шестове не богата. Его или не понимали, несмотря на соблазнительную легкость, классическую простоту и красоту стиля, или пытались примирить с умозрительной философией. Критики не раз указывали, что он, будучи, как они выражаются, иррационалистом, охотно посвящает страницы и страницы диалектике. Они при этом забывают, что Шестов неоднократно говорил и писал, что из разума надо сделать слугу, но не повелителя, диктующего нам законы, и он неоднократно отмечал бессилие этого разума.

По инициативе издателя Шмидта Денглера в 1950 году в австрийском городе Граце было основано общество «Шестов Гезельшафт» (по образцу «Ницше

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org Гезельшафт») для распространения и комментариев мыслей Шестова. Это общество просуществовало только несколько лет и закрылось. Оно выпустило две небольшие книги о Шестове, не предназначенные для продажи, а лишь для рассылки его постоянным членам.

Молодой автор, Георг Яноске, во второй из этих книг «Кант и Шестов» добросовестно пытается примирить автора Апофеоз беспочвенности и Афины и Иерусалим с философией знаменитого кенигсбергского философа, связать безуспешно примат веры с приматом разума. О примирении разума с верой для Шестова не может быть и речи. Он в этом смысле высказался определенно и не раз. Отец С. Булгаков в уже упомянутой статье-некрологе («Соврем. записки» №.68, 1939 г.) пытается автора Опыта адогматического мышления судить с точки зрения им исповедуемой христианской православной догмы. Единственно беспристрастное отношение к заветным мыслям и откровениям мы находим у покойного друга Шестова, Адольфа Марковича Лазарева (одна глава в его посмертной книге «Vie et Connaissance» Ed. Vrin, Paris, 1943 (посвящена Шестову) и в статьях убитого немцами любимого ученика Льва Исааковича – Венямина Фондана. Им же закреплены на бумаге беседы с покойным учителем, которые ждут полного издания. Диссертация голландского д-ра И. Суис (Амстердам 1931 г.) страдает, при всей добросовестности, предубеждениями и ложной установкой автора.

Другой близкий друг Шестова, Борис Федорович Шлецер, переведший на французский язык большинство произведений Шестова, тоже написал о нем несколько исследований на французском языке. Некоторые из них послужили введениями к французским книгам Шестова.

В своем двухтомном труде «История русской философии» (YMCA-Press, Paris, 1950) протоиерей В. В. Зеньковский посвящает несколько теплых страниц Шестову.

Надо еще упомянуть книгу Гривцова, которую, к сожалению, невозможно сейчас достать ни в одной библиотеке: Б. Гривцов – Три мыслителя (Розанов, Мережковский, Шестов), Москва, 1911.

Примечания

1

Писатель Венямин Фондан родился в Румынии в 1898 году. В 1923 г. он покинул родину и обосновался в Париже. Он принял французское подданство в 1938 году. В 1924 году он встретил Льва Шестова. Это было решающим событием в его жизни. Фондан выступил вначале как поэт и новатор; впоследствии он посвятил себя главным образом философии. В 1944 г. он был взят до распоряжению Гестапо и отправлен в Германию. Там он умер в октябре 1944 года.

2

В своих писаниях Лев Шестов часто цитирует это изречение Гамлета (с.см, например, книгу Шестова «Шекспир и его критик Брандес», стр 62) В подлиннике: The time is out of joint, o cursed spite, that ever I was born to set it right.

3

«Л. Толстой и Достоевский», Москва 1901 г.; II. «Религия Л. Толстого и Достоевского» В то же время Шестов написал статью «Юлий Цезарь Шекспира», которая была напечатана в виде введения к новому переводу этой пьесы, вышедшей в издании Брокгауз-Эфрона. Статья эта обретает особенный интерес при сопоставлении с первой книгой и первой газетной статьей Шестова о Шекспире. Три эти произведения на ту же тему отделены друг от друга значительными промежутками времени и отразили эволюцию мировоззрения Л. Шестова. Статья о Шекспире и статья о Мережковском «Власть идей», о которой была речь раньше, перепечатаны им в приложении к следующей его книге «Апофеоз беспочвенности» (с подзаголовком «Опыт адогматического мышления»), которая появилась в 1905 г. и состояла из афоризмов.

4

«Апофеоз беспочвенности», стр. 219–220. Несмотря на появление этих статей, у Шестова было чувство, что книга не вызвала интереса и что ее не понимают. Он пишет сестре Фане: «Рецензией «Русских ведомостей» я не огорчился. Я знал, что книга будет недружелюбно принята и, теперь, когда мои предвидения оправдались, только сообщил тебе об этом. Между прочим, Апофеоз беспочвенности не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам – никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответили мне ни словом. Но стороной узнал, что все недовольны: и Левин, и Лурье, например. Далее Бердяев, как ты увидишь, или уже увидела из его статьи в журнале «Вопросы жизни» (март, 1905 г.) недоволен. Правда, он мне признался, что прочел книгу наскоро, т. к. она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а «Ап. б.» немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу. Бердяев любит теоретическую философию и хочет логическим, разумным путем фиксировать иррациональность. Это ты увидишь из его статьи обо мне и в особенности из его возражений.

5

Дополняем рассказ Ловцкого воспоминаниями Эрге о появлении Апофеоза беспочвенности: «Я хорошо помню, как мой отец, ровестник и друг детства Льва Исааковича, с досадой повторял: «Совершенно ничего нельзя понять из того, что пишет теперь милый Лева».

6

Эти книги Шестова: «Откровения смерти» и «Гефсиманская ночь» напечатаны в Париже в 1923 году.

7

Эта. статья вошла в книгу «Власть ключей», Берлин 1923 г. под заглавием «Memento Mori». По-французски она была напечатана в «Ревю Философик» в январе 1926 г.

8

Статья Шестова о Леви-Брюле появилась в апреле 1936 г. в Париже в русском журнале «Путь» под заглавием «Миф и Истина» и немного позднее в голландском журнале «Synthese» под заглавием «Mythe en waarheid». Французский перевод был позднее опубликован под заглавием «Mythe et Verite».

9

В лютеровском переводе:... und sich bekehren, und genesen В латинском переводе:...et convertatur et sanem eum.

10

V. Fondane, "Leon Chestov et la lutte centre les evidences", "Revue Philosophique" – июль-август 1938 г., стр. 13–49.

11

Лев Шестов «Памяти великого философа Эдмунда Гуссерля». «Русские записки» XII (декабрь 1938 г) и «Русские записки» XIII (январь 1939 г.). По-французски: "Revue Philosophique" (январь-июнь) 1940 г, стр. 5–32.

12

V. Fondane. "Faux Traite d'Esthetique". Ed. Denoel 1938.

Лев Шестов по моим воспоминаниям filosoff.org

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!